



© 2004 г. А. ДЕ ЛАЗАРИ

ЧЕМ СТРАШНА ЕВРОПА ПОЛЬСКИМ И РУССКИМ
“СЛАВЯНАМ”?

(замечания на полях “Энциклопедии русской души.
Романа с энциклопедией” В. Ерофеева)

Иль нам с Европой спорить ново?
А. Пушкин. “Клеветникам России”

Все народы Европы имеют общую физиономию, некоторое семейное
сходство.

П. Чаадаев. “Философическое письмо”

Русификация окраин есть не что иное, как демократическая
европеизация их...

К. Леонтьев. “Православие и католицизм в Польше”

Для Европы не может быть иного исхода, как
превращение в Соединенные Штаты... Иное дело – Россия.

П. Бицилли. “Проблема русско-украинских отношений в свете истории”

Значительная часть Евразии – именно вся Украина и Белоруссия – попала под
власть католической Польши, этого форпоста Европы на Востоке, и только с боль-
шим трудом удалось части этих исконно евразийских и русских земель воссоеди-
ниться с евразийским миром под
властью Москвы.

Н. Трубецкой. “Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока”

Это как профессора литературы.

На первый взгляд – свои люди. А на второй – чужие и мертвые.

В. Ерофеев

Еще недавно мне казалось, что, в отличие от “России и Европы” Н. Дани-
левского, в Польше книга “Польша и Европа” может быть лишь дорожным
атласом, где союз “и” соединяет, а не противопоставляет, как у Данилевско-
го. Оказалось – я ошибся: “и” в книге П. Ярошинского противопоставляет, а
не соединяет [1]. П. Ярошински – председатель общества “Польская семья”,
профессор, руководитель кафедры философии культуры в Люблинском Ка-
толическом университете – издал в последние годы еще несколько книг [2].
Во всех он ведет борьбу за “польское национальное сознание”, за “право

Лазари де Анджей – д-р филол. наук, профессор (Лодзинский и Торуньский универси-
теты).

Польши на собственную культуру” и призывает спасти Польшу от “византийско-еврейской цивилизации” Европы. Польша – хорошая, весь остальной мир – плохой. Это при том, что вся либеральная часть польского общества и многие “правые” мечтают о скорейшем присоединении Польши к Евросоюзу.

“Словом, процесс европеизации разрушил всякое национальное единство, изрыл национальное тело глубокими ранами, посеял рознь и затаенную вражду между всеми” [3]. А это уже не П. Ярошински, а Н. Трубецкой о временах Петра Первого в России. Удивительная вещь – история...

Вот я перевел на польский язык “Энциклопедию русской души. Роман с энциклопедией” В. Ерофеева и решил, что настало время написать что-то вроде плагиата – о польской душе. Один сюжет мог бы звучать так (достаточно у Ерофеева поменять слово *русский* на *поляк*):

“Когда приходит черный день, поляк переключает скорости: европейский активизм – на азиатскую созерцательность – и впадает в дрему духовности”.

Чуть сложнее было бы приспособить к польской действительности фрагмент об *истории национального футбола*: “Петр Первый повел мяч в Европу, ударил, промахнулся – разбил окно. / Сборная команда мужиков с бородами погнала мяч в Азию. / Задрал юбки, Екатерина Великая перехватила инициативу. / Павел отобрал мяч и погнал его в сторону азиатских ворот. / Александр Первый, завладев мячом, отправил его в сторону Европы. / Николай Первый погнал его в сторону Азии. / Его сын, Александр Второй, отбил его далеко в сторону Европы. Александр Третий отфутболил мяч в Азию. / Николай Второй побежал трусцой в западную сторону. / Ленин повел мяч в сторону Азии. / Сталин, с подачи Ленина, забил гол. / Счет стал 100:0. / Хрущев начал с центра поля и, сам не зная почему, погнал мяч в Европу. / Брежнев отправил его в Азию. / Горбачев играл на европейской стороне поля. / Ельцин продолжил его игру, но во втором тайме растерялся. Стоит и не знает – куда бить. / Раздался свисток. Кончился пропущенный век” [4].

Перенесение этих слов на польскую действительность не получается, так как, по справедливому замечанию Н. Страхова, “Польша от начала шла наравне с остальной Европой” [5]. Единственное существенное отклонение – четыре десятилетия коммунизма. И все-таки боюсь, что поляки не менее русских способны “пропустить век”. Еще немного, и я смогу сказать вслед за Ерофеевым: «Мы разочаровали Запад и в чем-то самих себя, оказавшись “другими”, не такими, какими бы европейцы хотели нас видеть».

А какими европейцы хотели бы нас (русских, поляков) видеть? «Когда я смотрю, – пишет Ерофеев, – на Алексея Матвеевича, Федора Максимовича, Ларису Владимировну, Василия Михайловича, Дмитрия Васильевича, Ирину Никаноровну, Софью Ивановну (если она еще не умерла), ди-джея Элеонору, на моего механика Володю и на сторожей из гаража “европейским” взглядом, мне кажется, что они – уроды.

А стоит мне на них посмотреть русским взглядом [а мне – польским. – А.Л.], то – никакие они не уроды. Вот так я и существую [мы существуем. – А.Л.]: то уроды – то не уроды» (см.: [4. С. 141–142]).

Так какими европейцы хотели бы нас видеть? В чем суть Европы? Для меня ответ однозначный: в *достойном Я* против *тоталитарного Мы*.

А может быть это миф? Ведь Евросоюз = союз = *Мы*? Чем тогда отличается европейское *Мы* от нашего “славянского”? Ерофеев пишет: «Напрасно

думать, будто наше “мы” состоит из сложения самозначимых “я”. Русское “я” как элемент не жизнестойко и обретается исключительно в семейственной молекуле. Выходит, не “я” формирует идею “мы”, но “мы” манифестно и речетворно. “Мы” плодит убудочных “я”, как мелкую картошку. Все силы русского правописания – на стороне “мы”, и сколько бы литературных терзаний ни вкладывать в развитие “я”, они не окупятся за недостатком грамматических резервов. Взять, для примера, подсознательное мыканье Платонова и сопротивленческое яканье Набокова, чтобы увидеть разность потенциалов. На “мы” можно гавкать, как Замятин, над “мы” можно хихикать, как Олеша, но “мы” имеет самодержавное качество, известное под именем “народ”. “Народ” – одно из самых точных понятий русского языка. Оно подразумевает двойной перенос ответственности: с “я” на “мы” и с “мы” на – род: “мы-они”, внешне-внутренний фактор, что означает вечные поиски не самопознания, а самооправдания. Слово “народ” зацементировало народ на века» [4. С. 15–16].

В 1980-е годы многим полякам *казалось*, что, в отличие от русских, они постигли суть и ценности европейского достойного Я. В своей знаменитой книге “Этика солидарности” польский философ, ксендз Ю. Тишнер говорит о солидарности как об этическом движении. Солидарность не является для него ни понятием, ни готовой этической теорией. Это *идея*, и, как таковая, однозначного определения она никогда не получает [6].

«Этика солидарности, – говорит Тишнер, – хочет быть этикой совести. Она предполагает, что человек обладает совестью как прирожденным “этическим чувством”, во многом не зависимым от разных этических систем. Совесть в человеке – самостоятельная реальность, наподобие разума и воли. Человек может упражнять волю и разум, но может и забросить упражнения, может слушать свою совесть, но может и отречься от нее. Совесть – это голос, звучащий в человеке. К чему призывает он сегодня? Прежде всего к тому, чтобы человек *хотел* иметь совесть» [6].

Не всякое *Мы* является солидарностью. Подлинная солидарность – это солидарность совестей. С человеком без совести можно ехать в одном вагоне поезда, сидеть за одним столом, читать те же книги, но это еще не солидарность. Суть солидарности в пробуждении чувства сострадания, братства со страдающим человеком. Солидарность – особая межчеловеческая связь: люди объединяются, чтобы заботиться о том, кто в заботе нуждается. Я с тобой, Ты со мной, Мы вместе для него. Но все начинается с Я и совести. Мы вторично. Мы – это Я и Ты в диалоге. «Добросовестный диалог, – говорит Тишнер, – имеет в качестве своего источника предпосылку, что ни я, ни ты не в состоянии узнать правду друг о друге, если мы далеко друг от друга, если каждый из нас спрятан в подполье своего страха. Чтобы получился добросовестный диалог, Мы (Я и Ты) должны начать с признаний: “наверное, ты в какой-то степени прав” и “наверное, я не во всем прав”. Таким образом мы приближаемся друг к другу, так как каждый из нас готов личную правду другого сделать частью своей правды. Диалог – это создание взаимности и основное средство достижения общественной правды. Диалог означает, что люди вышли из подполья, приблизились друг к другу. Начало диалога – выход из подполья. Надо переступить порог, протянуть руку, найти общее место для разговора. Это место не будет уже укрытием, в котором человек остается один со своим страхом, а будет местом встречи, началом какой-нибудь общины, дома» [6].

Казалось бы, что здесь нового для русского человека? Не о том ли говорил еще Достоевский? Ведь Мы-община (коллектив, класс, народ, Евразия, соборность) – это основа “русского” мирозерцания. Почему тогда Ерофеев издевается? Чем Евросоюз, где солидарное *Мы*, по крайней мере в теории, основа общежития, отличается от Евразии?

Разница существенная! Солидарное *Мы*, в отличие от “русской” (и тем более коммунистической) общины, не поглощает свободного, пусть даже гордого *Я*. Ведь *Я* – это “хранитель древностей” (совести, чести, гонора...), без которых нет культуры и такого существенного элемента культуры, выработанного тысячелетиями, каким является право. И без *Я* нет диалога. Если нет *Я* – нет и *Ты*. Остается тоталитарное *Мы*, которое не нуждается ни в диалоге, ни в праве; остаются политики, для которых все, о чем здесь говорится, – “факультет ненужных вещей”.

На *Мы*, неприемлемое для Ерофеева, в России работали поколения. А.С. Хомяков, противопоставляя свой идеал западному мышлению, писал: “В Европе [...] не допускают ничего истинно-общего, ибо не хотят уступить ничего из прав личного произвола” [7]. Вся борьба за так называемую *народность*, начатая в русской мысли в эпоху романтизма, привела в конце концов к полному поглощению индивида в советском *Мы*-народе. Когда Замятин создавал свою антиутопию, советское *Мы* еще не образовалось, но уже “носилось в воздухе”. Ведь богоискатель Горький говорит: “Все несчастья начались от того, что первая человеческая личность оторвалась от чудотворной силы народа... и сжалась от страха, перед одиночеством и бессилием своим... *Я* – злейший враг человека” [8]. И коммунизм уничтожил этого “врага”, чтобы получилось как в “Катехизисе революционера” Нечаева: “Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени” [8].

Среди русских мыслителей были, однако, и те, кто в какой-то степени предвосхитил суждения Тишнера о солидарном *Мы*. Это – духовные отцы существующего с 1930 г. в эмиграции Народно-Трудового Союза русских солидаристов: С. Франк, С. Левицкий, С. и Е. Трубецкие, И. Ильин. Франк пишет: “*Я* никогда не существует и немислимо иначе, как в отношении *ты* – как немислимо *левое* вне *правого*, *верхнее* вне *нижнего* и т.п. [...] *Мы* совсем не есть просто *множественное число* от *я* (как этому учит обычная грамматика), простая совокупность многих *я*. В своем основном и первичном смысле *я* [...] вообще не имеет и не может иметь множественного числа; оно единственно и неповторимо. [...] Поэтому *мы* есть не множественное число первого лица, не *многие я*, а множественное число как единство первого и второго лица, как единство *я* и *ты* (*вы*). В этом – замечательная особенность категории *мы*. Вечная противопоставленность *я* и *ты*, которые, каждое само по себе и в отдельности, никогда не могут поменяться местами или охватить одно другое [...] – противопоставленность и противоположность преодолеваются в единстве *мы*, которое есть именно единство категориально разнородного личного бытия, *я* и *ты*. С этим непосредственно связана и другая особенность *мы*: в отличие от всех других форм личного бытия оно принципиально безгранично. Правда, эмпирически *мы* всегда ограничено: всякому *мы*, будь то семья, сословие, нация, государство, церковь, противостоит нечто иное, в него не включенное и ему противостоящее, – какие-то *вы* и *они*. Но вместе с тем *мы* в ином, высшем, соединении может охватить и

включить в себя всех *вы* и *они* – принципиально все сущее; в высшем, абсолютном, смысле не только все люди, но все сущее вообще как бы предназначено стать соучастником всеобъемлющего *мы*, и потому потенциально есть часть *мы*. Если я могу сказать *мы* про узкое единство моей семьи, партии, группы, то я могу вместе с тем сказать *мы*, *люди* или даже *мы*, *тварные существа*. *Мы* есть, следовательно, некая первичная категория личного человеческого, а потому и социального бытия” [10].

Здесь основная разница между русским солидаризмом и идеей солидарности в толковании Тишнера, для которого солидарное *Мы* не первично, а вторично, и даже не по отношению к *Я* и *Ты*, а по отношению к *для него*. Сперва – раненый и его крик, потом – отзывается совесть, сумевшая услышать и понять этот крик, и только тогда рождается община. Персонализм, человеческое достоинство здесь на первом плане, на втором – диалог, на третьем – солидарное *Мы*. Для коллективизма, как бы его ни назвать, здесь вообще нет места, как нет места и для коллективизма в “Европе” и Евросоюзе.

Формулируя этику солидарности, Тишнер предполагал, что ей не нужен враг. Десять лет спустя он осознал свою ошибку. В 1990 г. он писал: “Надо ясно сказать: этика солидарности уже не в состоянии охватить и разъяснить все вырисовывающиеся конфликты. Ибо что говорила эта этика? Она говорила, что нам надо быть вместе, действовать без применения силы, что этика должна стоять выше политики. Все это было ясно, когда был враг [...] Когда враг исчез, наше *вместе* расплодилось [...] Некогда Норвид, размышляя над причинами упадка народов, писал, что не в силу неуважения к власти, а особенно королевской, одни народы существуют, а другие перестают существовать. Потому что, будь это так, вся Европа развалилась бы. Причины упадка и развития народов одни и те же: уважение или неуважение к Человеку. Я возвращаюсь к этой мысли Норвида при особых обстоятельствах, в которых мы оказались. Ларек коммунизма развалился. Но толпа перед ларьком пока еще стоит. Что сделать, чтобы эта толпа стала обществом, чувствующим свое национальное достоинство? В этом направлении сделано уже немало. Но следует сделать еще кое-что. Следует вернуться к простейшему опыту – уважению Человека” [11].

Для Тишнера однозначно, что идею и этику солидарности можно спасти лишь путем уважения к личности и ее неотторжимым правам, что еще сильнее надо связать персонализм с солидарностью, что самой большой ценностью должен быть всегда Человек-личность, а не Мы-коллектив.

И вот прошло очередное десятилетие, Тишнера в живых уже нет, а толпа перед ларьком коммунизма все стоит – и в Польше, и в России.

А уважение к Человеку? – Вот Вы, Человек-славянин, подходите к пешеходному переходу в “Европе” (Лондоне, Берлине, “какой-нибудь” Лозанне...), а потом – в Варшаве и в Москве. Закон везде одинаковый: “Водитель транспортного средства обязан уступить дорогу пешеходам, переходящим проезжую часть по нерегулируемому пешеходному переходу”. В “Европе”, едва лишь Вы подошли к пешеходному переходу, машины остановились. В Варшаве Вам придется пропустить несколько машин – пятая-шестая остановится. А в Москве? Риторический вопрос? Это ведь не миф – это реальность. А попробуйте лечь в больницу “с улицы” в каком-нибудь из этих городов. Не хотите в Москве, у “всечеловеков”? Предпочитаете в Лозанне, а не в

Варшаве? Это понятно – ведь Вы хотите уважения к своей личности, а по крайней мере – к своему больному телу.

“Славяне”, почему же вы тогда боитесь Европы? Разве там на самом деле эгоизм больше польско-русского? Разве действительно кто-нибудь в Европе захочет отнять у Вас Вашу польскую или русскую душу и переделать Вас в немца или француза?

И опять, перефразируя слова Ерофеева, хочется сказать: “Всего того, что мы носим в себе, на самом деле нет. Мы выдумали оба мира. В себе самих мы их скрестили. Мы, видимо, те самые русские и польские европейцы, которые и не европейцы, и не русские, и не поляки. У нас получилось то, что не получается. Можно ли нас считать удачным гибридом? Мы потеряли возможность абсолютных критериев. Поскольку два мира не совпадают, мы ощущаем превратности морали”.

Достоевский считал, что лишь война по-настоящему объединяет. “Европа” объединяется без войны. Пока удачно. Кто прав? – риторический вопрос.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Jaroszyński P.* Polska i Europa. Lublin, 1999.
2. *Jaroszyński P.* Suwerenność nie jest przytykiem. Lublin 2000; *Jaroszyński P.* Ocalić polskość!. Lublin 2001; *Jaroszyński P.* Kim jesteśmy. Lublin, 2001; *Jaroszyński P.* Europa bez Ojczyzn? Warszawa, 2002.
3. <http://www.auditorium.ru/books/1323/>
4. *Ерофеев В.* Энциклопедия русской души. Роман с энциклопедией. Москва, 2002.
5. <http://www.auditorium.ru/books/1323/>
6. *Tischner J.* Etyka solidarności. Kraków, 1981.
7. *Хомяков А.* О сельской общине. Ответное письмо А.И. Кошелеву. СПб., 1849.
8. *Горький М.* Исповедь. СПб., 1908.
9. <http://www.hrono.ru/docum/katehizrev.html>
10. *Франк С.* Духовные основы общества. Париж, 1930.
11. *Tischner J.* В тени коммунистических ларьков. Этика солидарности сегодня // “Русская мысль”. Париж, 14 XI. 1990.